

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ЛИНА КОВАЛЬ

Без ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

...Гранд-Отель. 204 номер.
Дверь не заперта...

18+

Лина Коваль

Без обязательств

<https://litres.ru/74252137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вся жизнь Софьи Соболевой — одна большая ответственность. Перед состоятельными родителями, профессией врача и бывшим мужем, от которого она зависит.

Жизнь Константина Громова — постоянный долг перед отцом, крупному бизнесу которого сын отдается полностью и с душой.

Ответственность плюс долг равно обязательства.

Имеют ли право эти двое хоть что-то сделать без них?

ИСТОРИЯ КОСТИ И СОНИ - ЦИКЛ ПАРНИ КОВАЛЬ (все истории про друзей читаются отдельно)

**ВНИМАНИЕ!!! - ПЕРВАЯ ЧАСТЬ!!! ПРОДОЛЖЕНИЕ
"ОБЯЗУЮСЬ ЛЮБИТЬ"**

Содержание

Глава 1. Софья	5
Глава 2. Софья	12
Глава 3. Софья	17
Глава 4. Софья	26
Глава 5. Софья	34
Глава 6. Софья	44
Глава 7. Софья	55
Глава 8. Софья	62
Глава 9. Софья	69
Глава 10. Софья	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лина Коваль

Без обязательств

«БЕЗ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ»

© Коваль Лина, 2026

Исключительные права на публикацию книги принадлежат автору. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора запрещается.

Связаться с автором, а также узнать новости о новинках и творческих планах можно через Телеграм канал [Лина Коваль. Автор](#) или канал в МАКС [Лина Коваль. Любовные романы](#)

*Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реальными людьми случайно*

Глава 1. Софья

— Мама! Я врач! — надрывно сообщаю в трубку и прячу лицо за красным дипломом о высшем образовании. Мне двадцать четыре, но сейчас чувствую себя маленькой девочкой. Шесть лет долгой планомерной работы — все ради этого момента.

— Как же я горжусь тобой, моя девочка! — тепло произносит мамочка. — Богдан! Даня... Поздравь Соню. Диплом вручили.

— Дочь, поздравляю, — слышу оптимистичный, родной голос отца и улыбаюсь. — Ну теперь можно и болеть... Лечить есть кому.

— Так. Не вздумайте болеть. Лучше уж я останусь без работы и всю свою жизнь посвящу исследовательской работе. — Чувствую, как увлажняются глаза, и запрокидываю голову.

А питерское небо сегодня какое прекрасное! Облака воздушные, белые-белые. В цвет медицинских халатов, накинутых на плечи.

Конечно, сейчас мне хотелось бы расплакаться, но я сдерживаюсь. Хоть это и неправильно: ведь женщина должна плакать, когда ей хочется. Два последних месяца я только этим и занималась, поэтому сегодня, пожалуй, пропущу.

— Соня, у вас все хорошо? — настороженно спрашивает мама.

— Д-да. Я вам из дома позвоню.

— Передавай привет Натану.

— Я передам. Пока. — Быстро убираю телефон в сумочку и смотрю на сцену.

Тело дрожит от эмоций, волнение и тоска причудливыми переливами звенят в сердце. Я счастлива и одновременно несчастна. Но поднявшийся после обеда юго-западный ветер немного успокаивает разбушевавшиеся чувства. Спасибо ему. Особенно мне нравится, как холодок пробирается под шелк коричневого платья и отрезвляюще щекочет живот и поясницу.

Я врач.

Я женщина.

Я теперь... разведенная женщина.

— Поздравляю, лечебник! — Ко мне несется Кира, наша староста.

Обнимает неловко.

— Спасибо. И ты лечебник! — отвечаю комплимент за комплимент.

Она остается рядом со мной.

Учеба в Первом медицинском университете на факультете «Лечебное дело» длилась шесть лет, но, если по-честному, моя дорога в медицину началась намного раньше: с поиска хороших репетиторов по биологии и русскому языку.

Последний не давался мне долго. Папа тогда шутил, что врачу простительно. Кажется, это было в восьмом классе.

И сегодня мой учебный путь преодолел очередную веху. Дальше меня ждет ординатура.

— Не верится, что все закончилось, Сонь!

— Да... Все закончилось. — Я грустно улыбаюсь.

Однокурсники продолжают выходить за своими дипломами на сцену. И пусть мы не особо дружны, я за них искренне радуюсь. Вот честно — без лицемерия.

— А это кто? Не знаешь? — Кира пытается дотянуться до моего уха.

— Где? — я отвлекаюсь.

— Вон там. У колонны, на лестнице. — Заставляет меня повернуться.

Мой взгляд проходится по толпе выпускников в белых халатах и их родителей. Сперва ничего подозрительного не замечаю, а потом еще раз смотрю левее и выше, чтобы перепроверить. Поначалу уверена, что обозналась: ведь встретить в Питере кого-то из родного города — большая редкость, но уже через несколько секунд, приглядевшись, медленно отворачиваюсь.

— Может быть, это кто-то из выпускников прошлых лет? Пришел поздравить любимого преподавателя. Ему бы пошел хирургический костюм.

— Это ко мне, — отвечаю, фокусируясь на сцене. — И он не врач...

— К тебе?

— Да.

— А Натан Владимирович в курсе? — Кира хихикает, наверняка думая, что весело пошутила.

Я сглатываю слюну вместе со всеми мыслями, которые были в голове до упоминания имени бывшего мужа, и смотрю туда, где выстроились в ряд наши преподаватели. Радуюсь, что высокого стройного шатена в очках среди них не нахожу.

Он, конечно, здесь еще появится.

Он так просто меня не отпустит.

— Так кто это, Соня? — Кира продолжает меня доставать.

Я снова думаю о присутствии Кости Громова.

Костя Громов...

Даже имя его здесь звучит как-то странно. Он олицетворение прошлой жизни, а я в настоящей.

— Это... друг моего старшего брата.

— Мой любимый троп в книжках, — вздыхает Кира.

Снова поворачиваюсь и бегло изучаю его внешний вид. Темные волосы и загорелая кожа резко контрастируют с белой рубашкой, рукава которой закатаны до локтей, а темно-синие брюки выглядят слишком официозно. Хотя и помняты.

Вежливо улыбаюсь.

Логично ведь, что букет белых роз, который он держит в руках, предназначен мне?

Громов на мою улыбку реагирует примерно никак. Просто

плянется, как он делает это обычно.

Нас разделяет не только толпа, но и несколько метров ровно подстриженного газона, поэтому я высоко поднимаю руку и указываю Косте на вход в корпус, чтобы после вручения встретиться там. Ведь все присутствующие по традиции отправятся на аллею, чтобы сделать памятную фотографию.

Провожая взглядом высокую плечистую фигуру до дверей, Кира продолжает любопытничать:

— А брат твой такой же, как этот? Симпатичный?

— У брата жена симпатичная и вне конкуренции. Уже много лет как! — Смотрю на нее с ироничным укором.

— А этот?

— Костя не женат, да и у вас вряд ли что-то получится...

У нас же не получилось. Правда, мы тогда еще в школе учились.

— Это еще почему? Расскажи мне о нем!

— Зачем тебе? Костя до ужаса скучный и методичный. А еще он из хорошей семьи, с правильным воспитанием, европейским образованием и успешным бизнесом отца в придачу.

— Странная ты. Пока вроде одни плюсы...

— Кстати, говорить он тоже не особо любит. Больше молчит. Уверена, даже нецензурных слов не знает... Но главное, далек от медицины.

— Молчунов я не люблю. Это правда. — Кира, кажется, мысленно расстается с Громовым.

Дождавшись окончания официальной части, я иду на встречу толпе, то и дело попадая в ее безжалостные жернова. Сначала меня останавливает секретарь из деканата, просит позже подойти расписаться в очередной ведомости, затем окликает кто-то из педиатров.

Обмениваемся поздравлениями.

— Да, — отвечаю на входящий звонок от брата.

— Сонька, Костя заехал?

— А... да. — Кивком со всеми прощаюсь.

— Я его просил поздравить тебя от нас.

— Он приехал. Спасибо, Ваня, но не стоило его отвлекать! — Опускаю телефон.

К крыльцу учебного корпуса подхожу, когда все уже расходятся. Толкаю высокую дверь и ежусь от холода. Здесь работает кондиционер, а мое платье предназначено исключительно для июльской жары.

С дежурной, вежливой улыбкой направляюсь к Косте.

Вернее, к Константину Глебовичу, потому что, по инсайдерской информации от жены моего брата, он возглавил крупный строительный холдинг отца.

Замечаю, как за время, пока мы не виделись, заострились правильные черты лица и, вообще, как он изменился. Стал мужественнее и старше. Все-таки у всех в этой жизни своя война. Я тоже стала... мужественнее и старше.

Стук моих тонких каблучков по серому мрамору расходится по фойе эхом вместе со звонким голосом:

— Привет, ты долго ждал...

— Да уж пиздец!

— П-прости, пожалуйста! — Резко останавливаюсь на-против.

— Я опаздываю к нотариусу на сделку. Думал, за десять минут здесь управлюсь. — Костя вскидывает свободную руку, бегло смотрит на часы на запястье и, пока я отхожу от шока, что нецензурные слова он все-таки знает, довольно равнодушно изучает мое лицо и прижатый к груди диплом. — С праздником тебя, врач Соня Соболева!

Глава 2. Софья

— Мог бы не приезжать.

— Мог бы — не приехал.

Оба грубим.

Я склоняю голову набок и пожимаю плечами, жест привлекает к ним внимание. Раздражение в глазах Кости сменяется мужским интересом.

Я тут же чувствую себя неловко, как под микроскопом на стеклышке.

Долгое время я стеснялась своей внешности. Слишком кудрявая, слишком высокая и слишком худая. Потом научилась со всем этим жить: дружу с кератином и подчеркиваю стройность мягкими женскими образами. Сегодняшнее платье не исключение. Оно с открытыми плечами и приталенное. На бедрах разрезы, но не такие чтобы очень.

— Не люблю врачей. — Костя рассматривает мои худые ключицы и снова смотрит в глаза.

— Что мы тебе сделали?

— Вы делаете больно. И берете дорого.

Я смеюсь и начинаю собирать зрительный анамнез.

Чисто профессиональное.

Спортивная фигура Громова впечатляет рельефом. Широкие плечи, мускулистая грудь, обтянутая матовой тканью сорочки, над пряжкой кожаного ремня нет даже намека на

жировые складки. Ноги, руки — тоже с развитой мускулатурой.

Как будущему физиологу приятно посмотреть.

— С виду у тебя все в норме, Костя, — хоть как-то оправдываю непрошенный осмотр.

— Спасибо, док.

— Это бесплатно.

— Впечатляет! — Он... улыбается.

Я мгновенно расслабляюсь.

Это Костя. Всего лишь Костя.

Да, мы не сильно дружим после того, как между нами произошло несколько несуразных свиданий, но Ваня ему доверяет. А я доверяю Ване.

Безоговорочно.

— И тебе спасибо, что приехал, — киваю на цветы, бутоны смотрят в пол. — Мне приятно, что Ваня позаботился. Мама должна была приехать на вручение дипломов, но у нее там какие-то гости...

— Губернатор в городе... — подтверждает Костя.

— Да. Я знаю. Поэтому и благодарю тебя. Мне приятно. Прости, что я тебе нагрубила, — говорю уже на автомате и ступаю вперед, чтобы забрать цветы.

Надо поскорее с ним попрощаться.

Чтобы никто из тех, кто знает мою семью, здесь не отсвечивал.

— Софья! — знакомый голос, доносящийся со второго

этажа, останавливает. Я резко пячусь назад. — Это кто?

По широкой лестнице спускается Натан.

— Это... доставка цветов, — отвечаю, глядя на Громова предупреждающе. Качаю головой, чтобы молчал. — Молодой человек запутался в названиях наших корпусов, но мы уже сориентировались.

Бывший муж вторгается в личное пространство и против моей воли приобнимает.

— Отойдем, — тут же забывает о присутствии посторонних.

— Давай потом.

Я чувствую себя неловко.

— Прекрати так себя вести. — Все же отводит меня за колонну.

Костя остается за моей спиной.

— Что за выкрутасы? — начинает с наезда Натан. — Почему вчера не пришла? Мы же договаривались оставить все как есть.

— Не вижу смысла... — подбираю слова, правильно понимая, что эхо разнесет их по всему холлу.

— Не видишь смысла встречаться с моей семьей? Ты не в себе. Ты обещала, что не будешь ставить мне палки в колеса. Отец в следующем месяце решит, кого сделать генеральным директором в Московской клинике. Я не хочу, чтобы это место досталось Алиане... Почему ты не пришла?

— Я посчитала, что мне это не надо...

— Блядь! Пересчитай! — Он с силой сжимает мой локоть и дергает меня к себе. Красный диплом с листом оценок падает на пол. — Ты начинаешь меня злить. Устроила эту херню с разводом из-за какой-то надуманной, тупой проблемы, я тебя отпустил, но с условием. А ты и его не выполняешь.

Я тут же хочу выкрикнуть в его самодовольное, холеное лицо, что фраза «я тебя отпустил» в двадцать первом веке имеет весьма сомнительный контекст. Я свободна делать что хочу и не обязана потакать его прихотям.

Мы поженились два года назад.

Я была ослеплена молодым преподавателем. Талантливым медиком и педагогом.

Искренне считала Натана Ластера своим наставником и соратником.

Своим мужчиной. Другом. Любовником.

Черт возьми, кем угодно, только не тем, кем он стал.

— Хватит. — Пытаюсь высвободиться. Локоть сильно жжет. — Отпусти.

Боковым зрением замечаю высокий силуэт.

— Все в порядке? — тяжесть взгляда Громова показывает его отношение к ситуации.

— В порядке. — Натан отпускает мою руку и поправляет белый халат. — Вам еще что-то подсказать?

Черт...

— Натан, — одергиваю его за локоть, — давай не будем ругаться. Я завтра приеду в клинику, и мы обо всем погово-

рим.

— Приезжай. — Он снова на меня зло смотрит. — И запомни... Я в силах сделать так, что в ординатуру тебя никто не возьмет. И про свои исследования ты тоже забудешь.

Зажмуриваюсь от жгучего, липкого стыда, слушая удаляющиеся звонкие шаги.

Это... конец.

Даже думать не буду, что Громов ничего не слышал.

Надо мыслить реально.

Опустив голову, подхватываю с пола диплом и прижимаю его к себе как единственную опору.

— Прости, — глотая слезы, поднимаю лицо, — я тебя задерживаю. Давай... давай уже эти чертовы цветы и можешь ехать, — зло говорю.

Злюсь не на него — на ситуацию.

Убрав ладонь в карман брюк, Громов пристально на меня смотрит, а потом... одним точным уверенным броском отправляет букет в ближайшую урну и ровно интересуется:

— Хочешь отсюда уйти?

Глава 3. Софья

Это очень странно — идти по Петроградской набережной с Костей Грозовым. Подстраиваться под шаг друг друга и... молчать. Ведь мы друг другу никто.

Ну о чем мне с ним разговаривать?

Мы как венозная и артериальная кровь, которые никогда не смешиваются. Связаны родным городом — сердцем, где каждый циркулировал в своей половине.

Я все еще прижимаю к груди диплом. Как нечто важное и ценное. Пожалуй, в данную минуту самое важное в жизни.

Костя...

Украдкой бросаю на высокую фигуру оценивающий взгляд, но, кажется, он бы не заметил и прямого: совершенно не обращает на меня внимания. Выглядит при этом слишком серьезно и... монолитно. Как дома и офисные центры, которые строит его холдинг.

Я хмурюсь и снова смотрю прямо перед собой.

Скорее всего, предложение увести меня из медицинской альма-матер было обусловлено мгновенными реакциями или даже жалостью. Мне хочется сказать, что он может быть свободен, но указывать мужчине, что ему делать, в прямой форме, по словам моей матери, — участь не очень умных женщин, поэтому я начинаю издали:

— Спасибо, что увел меня оттуда. Кажется, ты куда-то то-

ропился...

— Торопился, — кивает.

— Я уже в порядке, — взмахиваю головой, чтобы ветер отбросил мои светлые волосы за спину, и смотрю на Громова с милой, флиртующей улыбкой. Именно так, по моему мнению, выглядит девушка, которая в порядке.

— Это хорошо, док. — Костя опускает глаза к груди, закрытой дипломом.

— Я к тому, что, если тебе нужно, можешь ехать.

— Выйдем к Неве? — вместо ответа спрашивает.

— Конечно. Если хочешь... — Замолкаю.

Он шагает, сунув руки в карманы брюк, а на многолюдном светофоре встает чуть позади, и я вспоминаю об отце и брате. Они всегда делают так же. Оберегают и защищают одним своим присутствием. Именно поэтому я снова себе напоминаю, что в безопасности.

Да-да.

Для меня это важно: чувствовать себя в безопасности.

Мы выходим на набережную, здесь ветрено, поэтому мое платье разлетается в разные стороны, а разрезы на нем не дают полностью удержать ткань.

Костя замечает.

Предлагает отдохнуть, и мы садимся к воде. На бетонную широкую лесенку.

Он широко расставляет ноги и упирает локти в колени, складывает руки в замок и загадочно спокойно смотрит на

Неву — главную достопримечательность Санкт-Петербурга, воспеваемую в творчестве писателей и поэтов аж с восемнадцатого века.

Я делаю страшное: плюхаюсь на свой диплом, ведь сидеть в шелковом платье и узком тоненьком белье на общественной лестнице негигиенично.

В сумочке, болтающейся сбоку на длинной цепочке, вибрирует телефон.

— Да, бабушка... — отвечаю.

— Моя девочка уже получила свой диплом? — спрашивает она.

— Конечно. Я врач, — широко улыбаюсь.

Костя поворачивает опущенную голову и усмехается, разглядывая мое лицо и шею. Щеки тут же покалывает. Уверена, они уже покраснелись.

— Муж тебя поздравил?

— Поздравил, бабушка, — становлюсь серьезной.

— Ну, не буду мешать. Жду информацию о твоих успехах в ординатуре. Помни, ты одна из Шацких, моя девочка...

— И должна этому соответствовать... — с теплой улыбкой договариваю.

Закатываю глаза.

Бабуля очень негативно отнеслась к раннему браку моей мамы с отцом, на тот момент ничем не примечательным Богданом Соболевым. Это уже потом папа смог раскрутить свой бизнес до небывалых высот, а мама начала развиваться в го-

суправлении и уже несколько лет занимает пост главы администрации нашего города.

Едва я заканчиваю разговор, как снова звучит стандартная айфоновская мелодия.

— Это твой.

Костя откидывается назад, чтобы достать телефон из кармана брюк, и, хмуро взглянув на черный экран, отвечает на звонок.

— Да. Привет.

Я пристально разглядываю длинные пальцы с ухоженными ногтями, сжимающие мобильный, и поспешно отвожу глаза на воду, когда это становится заметно.

— Договор подписан, условия — как договаривались, плюс сверху пять процентов тоже наши. Удалось перебить их цену конкурентным анализом. Единственное, заверить у нотариуса сегодня не успел.

Снова выжидающе смотрю на Костю.

По тому, как хмурятся широкие черные брови и сжимаются губы, понимаю, что дальше разговор складывается непросто. Чувствую себя виноватой.

— Отец, я все понял. — Он сжимает телефон до побелевших костяшек. — Останусь здесь до утра, сделаю все, что должен был, и первым рейсом вернусь. У меня все под контролем. Как и всегда... До завтра. Маме привет...

Закончив разговор, он убирает телефон и долго молчит, а потом, услышав трель, качает головой и с иронией смотрит

нам меня:

— Теперь твой?

— Кажется, да. — Дергаю замок на сумке. — Владимир Рудольфович, здравствуйте! — дрожащим голосом отвечаю бывшему свекру.

Он, конечно, еще не в курсе, что он бывший.

— Софьюшка, дорогая. Натан сказал, тебя можно поздравить?

— Да, — вспоминаю, что под моим узким задом греются шестилетний труд и упорство. — Я врач.

— Сын сказал, вы отмечаете. Я звонил ему до тебя. Голос показался слишком... веселым, — недовольно говорит.

Твою мать, Ластер! Мы виделись полчаса назад, ты был трезв как стеклышко!

— Да... — опускаю лицо. — Мы с Натаном решили отметить походом в ресторан. Пьем вино и вкусно обедаем.

— Как я рад. Ну, а старика когда порадуешь своими вычислениями?

— Вы про результаты исследования? Простите, я еще не закончила. Замоталась с... хм выпускным, — быстро заменяю слово «переезд». — Это ведь никак не отразится на моей ординатуре? Я смогу ее пройти на базе сети ваших клиник?

— Конечно! Это даже не обсуждается, Софья. Мы ведь одна семья, — уверяет Владимир Рудольфович. — Я еще с начала года забронировал для тебя место и обеспечу его пол-

ное финансирование.

— Спасибо. В таком случае я предоставляю все результаты ближе к началу следующей недели. Хорошо?

— Очень жду. И да... не налегайте на вино. Оно полезно только в малых дозах.

— Конечно...

Убираю телефон и чувствую себя мерзко.

Очень-очень мерзко.

Будто в лужу с грязью окунули.

— Значит, красивая Соня не такая уж идеальная? — спрашивает Костя и переводит ироничный взгляд с Невы.

— Ты о чем?

— Ай-ай-ай... С мужем развелась и никому не рассказывала?

Я делаю вид, что не боюсь до чертиков сатисфакции.

И мне не стыдно.

— В мире нет ничего идеального, Костя... — Не позволяю ветру раздуть подол платья, прижимая его к ногам. — Ах да... Кроме тебя. Ты — чудо. Просто выше всех похвал... — начинаю злиться.

— Кстати, в этом мы похожи... — он перебивает мои попытки задеть его.

— Похожи?

— Мы оба носим маски, врач Соня!

— Я лично ношу медицинскую...

— И оба первоклассно врем.

— Врем?

— Еще как.

— Когда ты в последний раз говорила правду?

— Почти всегда. А ты?

— Полминуты тому назад. — Отворачивается и смотрит прямо перед собой.

Я... смущаюсь. Когда сказал, что я красивая? Это такая мужская вежливость?

Отвожу взгляд туда, где по ершистой речной глади в нашу сторону идет красивая яхта, от белизны которой я чувствую себя еще хуже.

Ложь проникла в меня. Глубоко.

Запачкала грязью.

Алкоголизм пришел в нашу с Натаном семью не сразу. Вернее, я не сразу заметила тревожные звонки. Была ослеплена. Я скрывала их и от родителей: его и моих. Прикрывала Ната в университете, когда он не мог посещать пары, пробовала разговаривать, убеждала, плакала, угрожала. А потом, после того, что он сделал, — все. Не смогла. Выдохлась и больше не смогла...

— Все врут. — Я пожимаю плечами и грею плечо ладонью от прохладного ветра.

Атлетичная фигура Громова остается неподвижной, а его мысли закрытыми. Я вдруг испытываю дикое желание их узнать. Что он думает на этот счет?

— Главное, не делать этого с собой... — продолжаю раз-

мышлять, но Костя обрывает.

Его плечи разворачиваются, а ладонь опускается, чтобы деликатно, не задевая кожу, поправить подол платья.

— Спасибо. — Придерживаю ткань.

— Так что с твоим выпускным, врач Соня? — Поднявшись, он смотрит на меня. — Куда тебя отвезти? — Протягивает руку.

— Мы отмечаем на теплоходе, но я... наверное, пропущу. — Вкладываю пальцы в широкую теплую ладонь и позволяю поднять себя на ноги.

Одергиваю платье сзади.

— Это еще почему?

— Я, — пытаюсь подобрать возможную причину, но натываюсь на тяжелый, пронизывающий взгляд, — там будет... Натан. Поэтому не хочу.

— Ясно. — Костя наклоняется и поднимает мой диплом. Вертит его в руке, рассматривая. — И как собираешься отметить? Полагаю, ты немало за него пострадала.

О своей учебе я могу разговаривать бесконечно.

— Еще как... Столько ночей не спала. Пока к топографической анатомии готовилась, на два килограмма похудела, а перед экзаменом по гистологии меня откапывали магнием...

— Ну так и как девочка Соня хотела бы забыться?

— Даже не знаю...

— Снова врешь! — его голос становится безучастным.

Костя вручает мне диплом.

— Я за все эти шесть лет ни в одном питерском ночном клубе не была, — не знаю, что больше делаю: сообщаю или жалуюсь. — Вот, наверное, куда бы сходила...

Глава 4. Софья

— Все хорошо? — спрашивает Костя, склоняясь, чтобы я точно услышала, и обдавая теплым дыханием мой висок.

Музыка пока играет негромко, но голоса заметно приглушает.

— Если честно, я еще не поняла, — повернувшись, говорю ему на ухо.

Он сосредоточенно осматривается, будто всех здесь знает и поднимается.

Девушки за соседним столиком с интересом поглядывают в нашу сторону. Я, имея старшего брата, к такому вниманию давно привыкла, поэтому никак не реагирую.

— Официантов здесь не дождешься. Я возьму нам выпить. Твои пожелания? — Он снова нависает надо мной.

Я задираю голову.

— Что-нибудь безалкогольное и негазированное...

— Посиди здесь.

Широкая сильная ладонь невзначай ложится на мое обнаженное плечо и сжимает. Кажется, я стала привыкать и воспринимаю это как что-то обычное. Громова я знаю около восьми лет — успокаиваю себя. Умеренная тактильность нормальна.

Я смотрю, как он широким пружинящим шагом подходит к барной стойке, за которой работает девушка-бармен. Она

излишне приветливо улыбается и занимается его обслуживанием.

Громов разительно отличается от всех присутствующих молодых людей.

Яркий неоновый свет делает его рубашку люминесцентной, а его образ — высокого молодого мужчины со спортивной фигурой — вполне притягательным.

Я вдруг вспоминаю: несмотря на то что сегодня мы оба выглядим как взрослые люди с кучей проблем, наше знакомство было по-детски комичным.

Итак, мне всего шестнадцать, а Громову чуть меньше восемнадцати. У Вани была очередная посиделка с друзьями, Костя пришел на нее со своим двоюродным братом Мирном и... в разгар вечера перепутал двери на втором этаже.

Не знаю уж, что он искал, но зашел в мою комнату, где я как раз препарировала лягушку в исследовательских целях.

Конечно, я ее не убивала. Я не живодерка.

Нашла уже мертвую на лужайке в саду. Видимо, наша кошка поймала ее в свои лапы, а задушив, потеряла всякий интерес. Перед тем как похоронить усопшую со всеми почестями, я решила все досконально рассмотреть.

Устроила у себя в комнате самую настоящую операционную, накрыв стены, стол и ковер одноразовыми пленками, и надела медицинский костюм.

Правда, он был тоже одноразовым, а значит, прозрачным. Лето стояло жаркое, родители отдыхали у себя, друзей бра-

та я не особо интересовала, как и они меня, поэтому и наряжаться не стала: осталась в купальнике, в котором загорала у бассейна до тех пор, пока не набрела на лужайку.

В таком странном виде, вымачивающую сердце, легкие и кишечник лягушки в солевом растворе, меня и застал Костя. До сих пор вспоминаю его ошалевший взгляд, медленно спускающийся от развороченного тельца лягушки к моим полуобнаженным ягодицам.

— Так и будешь стоять? — спросила я, размахивая пинцетом и скальпелем.

— Прости.

Громов, не сказав ни слова, вышел вон...

— Безалкогольный спритц с апельсиновым соком. — Костя аккуратно ставит передо мной запотевший ото льда бокал.

— Спасибо. — Замечаю в его руке стакан с янтарной жидкостью и делаю не очень уверенный глоток.

Музыка ненадолго стихает. Начинается какой-то перформанс на сцене. Я слежу с энтузиазмом, потому что впервые за долгое время чувствую себя беззаботной.

Мы сидим на твердом диване, обитом синим бархатом. Вокруг танцуют люди. Разные: кто-то двигается плавно, кто-то неловко, но этого абсолютно не стесняется.

А вообще, обилие полуголых тел наводит на мысль...

— Здесь столько людей, — говорю я ему.

— Это плохо?

— Я бы те исследования, которые поручил мне отец Натана, вмиг сделала...

Замечаю, что широкие брови скользят ввысь.

Я хмурюсь.

— Если что, то я не вру! Мне действительно нравится то, чем я занимаюсь, — уверяю.

— В этом никто не сомневается, врач Соня, — произносит Костя расслабленно.

В его дыхании ощущаются легкие пары алкоголя. Они ненавязчивые, но слишком волнуют мои воспоминания. Я сникаю, но вида не подаю.

С наигранным интересом смотрю по сторонам.

— Как тебе здесь? — спрашивает он.

— Мне нравится, — отвечаю вежливо.

Собираюсь отвернуться, но в меня летит тяжелый, как кусок бетона, хрипловатый голос:

— Со-ня...

Черт.

Как же тяжело, оказывается, не врать. Уже на автомате получается. Я даже не задумываюсь, приятна ли мне атмосфера этого ночного клуба.

Мне просто не хочется обидеть Громова, который вывалил кучу денег за наш стол...

— Музыка здесь играет тихо, танцевать не хочется...

— И шторы короткие...

— Да блин, — я залиvistо смеюсь, — ладно. Здесь скучно, как на парах по латинскому...

— Хочу еще немного правды...

— Мне не нравится этот коктейль, который ты взял! Он слишком сладкий.

— Мне мало, док...

— И не нравится, что... что ты пьешь алкоголь...

— Без проблем.

Костя безжалостно выливает содержимое своего стакана в ведро со льдом.

— И меня просто бесит, что из нас двоих должна не врать только я...

Медленный, чуть ленивый взгляд пристально изучает мое лицо.

Глаза, губы, снова глаза.

— Вот как? И в чем же, по-твоему, вру я? — интересуется он.

— Тебе со мной скучно...

Громов ненадолго задумывается.

— Это не совсем так.

— Зачем ты предложил увести меня из университета, Костя? — спрашиваю напрямую.

Он отпивает мой коктейль, не воспользовавшись трубочкой, через которую пила я.

Морщится.

— Потому что почувствовал себя ответственным.

— За меня? — Смотрю ему в глаза.

— За тебя, Соня.

— Ты всегда берешь ответственность за людей, которых почти не знаешь?

— Я всегда беру ответственность, — парирует, откидываясь на спинку дивана. Тем самым вынуждая меня сесть к нему лицом. — И я тебя достаточно знаю...

— Достаточно для чего?

— Достаточно для всего, — отвечает так, что мои щеки отчего-то вспыхивают.

Боже.

Зачем я участвую в этой схватке? Совершенно ясно, что я проиграю.

— Пожалел, что предложил забрать меня?

— Еще в кинотеатре.

Чертов правдоруб.

Такая честность совсем немного, но ранит.

Нам нужно было выждать время, пока не откроется хоть что-нибудь похожее на ночной клуб, поэтому пришлось идти в кино. Выбор стоял между триллером и романтической комедией и для меня был слишком очевиден.

Мы пошли на второе.

— Куда бы ты хотел сходить? — решаю восстановить справедливость.

Костя отворачивается от меня с ироничной усмешкой на лице.

Я в порыве кладу ладонь на твердое бедро, обтянутое брючной тканью, и тут же убираю. Обжигаюсь этим прикосновением. Чувствую себя немного не в своей тарелке.

— Эй, я серьезно, — неловко оправдываюсь. — Куда бы ты пошел в Питере? Если б был совершенно один. И об этом никто и никогда не узнал?

— Блядь... — Он возвращает ко мне глаза, опасно поблескивающие в свете огней.

Я вдруг прогоняю эти же самые вопросы через себя и ощущаю, как дрожь проносится вдоль позвоночника. С Натаном мы развелись совсем недавно, но до этого он меня хорошенько помучил своими отказами. Встречаться с кем-то из студентов или сотрудников клиники Ластеров было глупо, он бы обо всем узнал.

Я бы сделала только хуже.

Да и первое время не хотелось... Я оплакивала свой «молочный» брак.

— Ты бы встретился с девушкой? — меня вдруг страшно волнует моя догадка.

— Да, Соня.

— Какой-то знакомой?

— Нет. Никаких знакомых. Я бы познакомился с кем-нибудь, возможно, даже здесь... — Посматривает на барменшу и переводит прямой взгляд на меня. — И занялся с ней сексом, а утром бы уехал и никогда не вспоминал.

Я зраю на месте и облизываю пересохшие губы. Тянусь

к бокалу и пью коктейль, тоже не используя трубочку. Горло сушит, потому что представляю их в постели вдвоем. Обнаженных и возбужденных.

— И почему вдруг со мной нельзя это обсуждать? — Выпрямляю плечи и забрасываю ногу на ногу. — Я знаю, что такое секс, и абсолютно не смущаюсь этой темой.

— Да ладно?

Костя, опустив голову набок, снова поправляет разрез на подоле платья.

На этот раз задевает кожу кончиками пальцев...

— Я, вообще-то, врач... — говорю не очень внятно.

— Я знал, что и у этого должны быть плюсы...

Глава 5. Софья

— Так с кем из присутствующих девушек ты хотел бы уйти сегодня? — С видом уверенной, городской львицы кидаю взгляды по темному помещению и смотрю в кажущиеся еще темнее прищуренные глаза.

Костя кладет руку на спинку дивана за моей спиной и даже не пытается оценить пространство вариантов для предстоящей ночи. Я вдруг чувствую, что разочаруюсь, если он еще раз посмотрит в сторону бара, но Громов искренне удивляет своим безапелляционным ответом:

— Ни с кем.

— Вот как?

— Я нормально воспитан. Мы пришли сюда вместе и уйдем тоже вместе, Соня.

— А если я захочу уйти с кем-то?

— Не в этот раз, док.

Ох уж эти настоящие мужчины.

То, что Костя снова ведет себя как мой отец или старший брат не бесит, а, наоборот, расслабляет. Сегодня я испытываю желание быть женщиной гораздо больше, чем вчера. Это ли не достижение после неудачного брака и абсолютной потери аппетита на секс? Обычно моя сексуальность от страха перед чужим мужчиной прячется куда подальше, но сегодня

она выглядывает одним глазком и впервые в жизни «выходит в люди».

Перекинув волнистые от прогулки волосы на правое плечо, я медленно потираю шею слева и страшно нервничаю: Костя пристально наблюдает за мной.

— И почему же я не могу... с кем-то здесь познакомиться? — спрашиваю, но смотрю только на него. Это банальная вежливость. Да и вряд ли меня кто-то здесь всерьез заинтересует.

Боже... Зачем я с ним флиртую?

— Познакомиться можешь. Покинуть с ним заведение — нет. Я уже говорил: сегодня ты со мной, Соня.

Такой сухой, лишенный личной оценки ответ меня неожиданно раздражает. Мне хочется задеть Громова за живое... Такого идеально сложенного, идеально воспитанного и мужественного. Пока мы бесцельно курсировали вдоль Невы, реальность Косте придавали лишь мятые из-за жары деловые брюки. Сейчас в темноте их не видно.

— Это правило двухстороннее? — спрашиваю чуть громче, чем следовало бы.

— Конечно, Соня! — склоняется ко мне и отвечает с кивком.

— И еще... — Я вспоминаю об игре, которая ненавязчиво началась между нами. — По правде говоря, я всегда считала, что по-настоящему воспитанный человек не будет говорить о своей воспитанности...

Костя усмехается, ни на долю секунды не теряя уверенности во взгляде.

— Да, если это делать из позиции собственной охуенности, а не из желания отдать честь родителям. Моя мама вложила в нас много времени и сил, отец — то же самое плюс деньги. Я это слишком ценю.

Он как бы невзначай снимает ладонь со спинки дивана и проводит пальцами по моему плечу. Мысли собираются разлететься, но я расставляю их в слова:

— И... поэтому ты согласился управлять холдингом?

Реакции его сильного тела обмануть не могут: мой вопрос Костю чем-то напрягает. Плечи становятся будто бы шире, кадык на шее выступает отчетливее, но ответ звучит все с тем же расслабленным подтоном:

— Нет. Не из благодарности, Соня. Кнопки «Не согласиться» в моей картине мира вообще не было. По умолчанию.

— Жаль. По-моему, ты неплохо играл на гитаре и очень это любил...

— Еще я люблю водить машину и секс, но развиваться профессионально ни в том, ни в другом не планирую.

Неловко улыбаюсь и смотрю на танцпол, который начинает заполняться гостями. Музыка с каждой композицией становится все громче, взгляды девушек из-за соседнего столика — настойчивее, а мое желание здесь оставаться стремительно падает. Еще чуть-чуть — и услышать друг друга бу-

дет крайне сложно.

Я делаю вид, что хочу сказать ему на ухо, и кладу руку на твердое бедро.

Делаю это гораздо увереннее, чем в первый раз.

— Я хочу уйти.

— Без проблем.

Костя поднимается и, схватив мою руку, выводит на свет. И нет, я не посматриваю свысока на девчонок, а вскидываю подбородок повыше и думаю лишь о том, что будет дальше. Мы просто разведемся на такси или меня проводят до дома?

И должна ли я предложить ему войти?

И что делать, если я хочу, чтобы он вошел, а вариант с разными такси страшно меня разочарует?

— Заберу твой диплом из камеры хранения. Постой здесь.

— Посматривает на входную дверь.

— Я никуда не уйду.

— Ну конечно, куда ты без него...

Я сверлю его спину глазами, думая, что о дипломе даже бы не вспомнила...

По ногам проносится ветерок, я оборачиваюсь с вежливой улыбкой, которая тут же спадает, потому что передо мной возникает абсолютно безобразное, перекошенное лицо.

Еще и пьяное к тому же.

— Вот ты где, Стрекоза! — говорит он, глядя на меня, и наступает. — Допрыгалась?

Тянет свои ручищи. Сердце сначала сжимается от страха,

а потом бахает как ненормальное, но я испуганно пячусь назад.

— В чем дело? — слышу грубый голос Громова и чувствую его руку на талии.

Скрывшись за ним, как за стеной, обнимаю со спины и дрожу. Нос утыкается в крепкое плечо, я чувствую запах мужского парфюма.

Костя подается вперед.

— Че те надо, мужик? — пьяное чучело вдруг визжит. — Эй, я обозался. Думал, это Стрекоза моя. Ухожу, ухожу!

Дожидаюсь, когда по ногам снова ударит ветер, но все равно прижимаюсь к рельефной спине.

— Эй-эй. — Костя поднимает руку и пропускает меня вперед, тут же накрывая плечи и привлекая к груди. — Ну ты чего, док? Испугал он тебя?

— Да. — Задрав голову, смотрю ему в глаза.

Костя хмурится, очерчивает медленным взглядом мои губы и... приближается к ним ровно на то расстояние, когда еще можно отвернуться друг от друга и сгладить неловкость, но я этого не делаю.

— Костя, — шепчу растерянно и жду инициативы от него.

— Пиздец тебе, док! — хрипит он, обхватывает мое лицо ладонями и целует.

Ровно так же, как удивлялась его нецензурному лексикону, я шокированно замираю от поцелуя, который уже больше похож на секс, чем весь секс, что у меня был.

Громов целуется настойчиво-жадно.

Его язык плавно скользит по моим губам, как по своим частным владениям, и с глухим стоном проникает внутрь. Я подаюсь вперед и обвиваю мускулистый торс, чувствуя приятную твердость ниже. Жду, что меня это напугает или как-то отвернет, но внизу живота что-то вспыхивает и тлеет.

Жар только нарастает. Усиливается от движения наших языков и сплетения тел. Даже в одежде. По ногам снова бьет ветер, в уши проникает чей-то смех. Мы отстраняемся и возбужденно смотрим друг на друга. Дыхание шумное, спрятать это невозможно.

— Ой, а это не вы диплом выронили? — Девушка указывает на пол.

Костя наклоняется и поднимает.

— Прости. — Отдает его мне.

— Это ничего... — Пытаюсь прикрыть затвердевшие соски.

На набережной гораздо тише, чем было до того, как мы попали в ночной клуб. Я все еще пытаюсь совладать с эмоциями. Они пружинят у меня внутри и не позволяют вдохнуть полной грудью.

— Соня... — Костя решает начать первым, но я перебиваю.

— Мы можем поехать ко мне... — Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Почему не ко мне в гостиницу?

— Потому что я не встречаюсь с мужчинами в гостиницах... — закатываю глаза.

Это что-то про животное и больное. А я нормальная...

Просто он мне понравился, сильно понравился. И его выбрало мое тело. Клянусь, оно само. Я здесь ни при чем.

Ожидание такси проходит в принятии. Костя возвышается рядом, спрятав ладони в карманы брюк, и все время меня разглядывает. Секс продолжается... На этот раз без прикосновений.

Меня одолевают сомнения. Одно за другим.

Я, как могу, с ними справляюсь.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Костя уже в такси.

— Ни о чем. Ох... прости.

Он смотрит на меня укоризненно и ласкает мою ладонь большим пальцем. Круговыми движениями, слегка надавливая.

— Думаешь, что пожалеешь? Если сомневаешься — скажи.

— Нет-нет. А вдруг мне все же не понравится?

— Тебе понравится.

— А еще я все гадаю, относишься ли ты к тем мужчинам, которые думают только о себе?

Как мой бывший муж, например.

Громов отвечает четко. Так, будто мы говорим не о сексе.

— Я хорошо воспитан, — напоминает.

— Уже наслышана.

— Поэтому привык всегда пропускать дам вперед. Это все?

— И еще... я уже пятнадцать минут мучу себя... мыслями, что у меня не застелена кровать.

Костя смотрит на затылок водителя, незаметно поправляет брюки и склоняется к моему уху.

— Ты лучше подумай, что до кровати мы вряд ли доберемся...

— Ох. — Вжимаюсь в спинку сиденья и силой сдерживаю удушливую, жаркую волну, поднимающуюся изнутри.

До самого дома я больше не терзаю себя излишними сомнениями. Костя стер все, что были, в пыль, и развеял их по ветру.

Говорить людям правду...

В этом определено что-то есть...

Возле моего дома — современной высотки неподалеку от Московского проспекта — мы находим аптеку. Костя заходит, а я предусмотрительно остаюсь на улице, чтобы не создавать неловкую ситуацию. Она и так неловкая. Я веду домой друга своего старшего брата. Чтобы заняться с ним сексом. Без каких-либо отношений или даже намека на них.

Дорога до квартиры получается напряженной.

Я иду чуть впереди, прижимая к себе диплом, затем ищу ключи в сумочке перед подъездом. Костя открывает дверь, пропускает вперед.

Поездка на лифте длится слишком долго.

В квартире тихо и темно.

Привычным движением скидываю ключи и сумку на тумбу.

— Иди ко мне. — Громов незамедлительно приступает к исполнению предсказания и жарко меня целует.

Один раз, второй, третий. Урывками. Нахрапом. Ни разу не дав соскочить, с влажным звуком забирает мой язык себе. Все сливается в продолжительный поцелуй-обещание.

Мои пальцы робко проникают под воротник рубашки и ласкают сильную шею.

Скользнув ладонями в разрезы на бедрах, Костя сжимает мои ягодицы наживую.

— Подожди, — я вдруг пугаюсь этой слепой настойчивости.

— Жду... — хрипит он сквозь зубы и нехотя отодвигается. — Жду сколько надо...

Я пытаюсь отдышаться и оценить безопасность окружающей обстановки.

Это моя квартира. Вернее, квартира, купленная мне родителями. От Натана я съехала.

А это Костя Громов.

Костя Громов.

Когда я попрошу остановиться — он сто процентов остановится. Я контролирую рамки и не сплю с чужими.

Все в порядке.

Для ясности зажигаю свет в прихожей, поправляю платье

и веду Костю в спальню. Там краснею из-за не заправленной постели, а он, привалившись плечом к дверному косяку, с интересом ее рассматривает.

Я отмечаю, что всегда невозмутимый взгляд теперь немного сумасшедший. Темные волосы в беспорядке, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, а впечатляющая эрекция слишком очевидна, чтобы ее скрывать.

Да он об этом и не думает...

— Любишь спать с кучей подушек, док? — спрашивает, кивая на учиненный беспорядок.

— Я... да... — Поднимаю одну из них и бросаю в кресло. Пытаюсь как-то исправить положение. — Костя... ах. — Зажмуриваюсь, потому что он обнимает меня со спины и крепко прижимает к себе.

— Когда-то я мечтал посмотреть, где ты спишь, доктор Хаос! — шепчет мне на ухо и целует мочку уха.

Я улыбаюсь и снова плыву. От каждого его движения и прикосновения. От каждого поцелуя, оставленного на моем лице...

Глава 6. Софья

— Мечтал посмотреть, где я сплю? — я немало удивляюсь и кончиками пальцев поглаживаю мягкие короткие волосы на широком запястье. Предвкушение ночи одновременно возбуждает и страшит. — Теперь увидел...

— Теперь увидел...

Костя разворачивает меня к себе и откидывает за спину мои длинные волосы. Заправляет непослушную прядь за ухо.

— Ты что-то сделала с прической.

— А... да... — Пытаюсь собрать мысли и тараторю: — Я их выпрямляю. Хожу на специальную процедуру — кератиновое выпрямление.

— Зачем?

В мягком, теплом свете его лицо кажется озадаченным. Так.

Надо говорить правду.

Как правило, я ссылаюсь на то, что прямые волосы нравятся мне больше, но есть и реальная причина, о которой никто не знает.

— Мне кажется, с кудрями я выгляжу... слишком по-детски. Как девчонка. Пациенты не будут воспринимать меня всерьез.

— Это, конечно, проблема, Соня... — Костя широко улыбается.

— Обычно после этой процедуры волна не появляется, пока волосы не обрежешь, но только не у меня. Завиток быстро возвращается, это неимоверно раздражает.

— Надо же. Природа не пляшет под твою дудку. Какая несправедливость. Правда, док?

— Да... Очень несправедливо. — Я тоже улыбаюсь.

Его губы выглядят притягательно, зубы имеют здоровый вид. Мне хочется с ним целоваться, почувствовать шероховатость и мягкую силу языка, ощутить его у себя во рту.

Тело дрожит от возбуждения и робкого страха.

Первого гораздо больше. Здесь и желание наконец-то почувствовать себя настоящей женщиной, и возможность наконец-то поставить точку в своем неудачном браке.

И какое-то особенное вожделение к Громову.

Мне нравится, как он выглядит, насколько честен и как при всем этом по-мужски на меня пялится. Словно я одна — центр его сегодняшней вселенной и могу этим нагло пользоваться.

Что, собственно, и делаю...

Привстав на мысочки, обхватываю покрытые короткой щетиной щеки и соединяю наши губы. По телу проходит электромагнитный разряд. Костя с хрипом привлекает меня к себе и ведет ладонью вдоль позвоночника. Медленно и чуть надавливая гладит, но делает так, как я просила.

Выпрямившись натянутой струной, Громов ждет.

Ждет моей отмашки.

Настроение вечера медленно вырисовывается. Полное дозволение всего при соблюдении контроля. Доверие, основанное на давнем знакомстве и его дружбе с моим братом.

Похоть, ощутимая в воздухе...

Я вбираю в себя аромат откровенно мужского, резковатого парфюма, запах гладкой смуглой кожи и вкус слюны, почему-то не вызывающей у меня отвращения при всей моей брезгливости. Целую Костю осторожно и вдумчиво, пытаюсь прочувствовать, исследовать каждую свою эмоцию, словно под микроскопом. Мне приятно, мозг куда-то уплывает, а тело плавится, как податливый воск.

— Мм... — не могу сдержаться.

Ноги слабеют, а Громов, наоборот, напрягается сильнее. Это становится сигналом.

Спусковым крючком.

Пытливые пальцы находят на моей шее застёжку, удерживающую все платье.

— Можно? — Костя массирующими движениями гладит кожу вокруг.

— Д-да... — Делаю шаг назад.

Шелк мягким коричневым облаком падает на пол, а на мне остаются только узкие стринги.

Скрыв секундное замешательство, даже не пытаюсь прикрыться. Мне мое тело нравится, хоть оно и неидеально. Слишком высокий рост, откровенная худоба с умеренно выпирающими костями таза и плоским животиком, грудь... то-

же небольшая.

Но Громову, кажется, все заходит.

Он дергает меня за локоть, и я врезаюсь в железные мушкетеры, как в стену, и горячо целует.

Нападает на губы, шею, ключицы.

Грудь...

Боже, почему она такая чувствительная?

Сильные руки подхватывают под бедра, приглашая обнять ногами каменное тело. В промежность упирается приятная, но слишком пугающая размером твердость.

— Все в порядке? — Шумно дыша, Костя отпускает мой розовый сосок и поднимает на меня взгляд.

— Я... я хочу, чтобы ты тоже разделся. Чувствую себя глупо.

— Хочешь сама?

— Да. Я попробую...

Смотрю в глаза, напоминающие цветом обжаренные кофейные зерна, и... дрожащими пальцами принимаюсь расстегивать пуговицы.

Костя делает пару шагов к кровати и аккуратно опускает меня на ее край, затем помогает вытянуть рубашку из-под пояса брюк и сам справляется с пуговицами на манжетах.

Когда он оказывается наполовину раздет, я изумленно осматриваю каждую открывшуюся передо мной новую деталь. Грудь, пресс, руки — все идеально. И для глаз, и на ощупь.

Не скажу, что Натан выглядит плохо, но Косте в этом явно уступает.

Мой взгляд опускается на уровень ширинки, и я тянусь к кожаному ремню. Отстегиваю пряжку и полностью вытягиваю его из шлевок.

— Ты делаешь это с таким грозным видом, док, что теперь я переживаю.

— Почему? — Поднимаю голову и смотрю ему в глаза. — Думаешь, здесь что-то может меня удивить?

— Даже так?

— Я... проходила практику в военкомате.

— Блядь... — На невозмутимом красивом лице мелькает неясная тень.

Поставив руки на пояс брюк, Костя смотрит на меня сердито и шумно дышит.

— Я шучу... Эй... Пошутила... Не было такого... — Опускаю голову и тихо посмеиваюсь. — Видел бы ты свои глаза...

— Развела меня, значит, врач Соня — повелительница военкоматов и членов? — Громов легонько толкает мои плечи, и я падаю на кровать. — Тогда держись...

— Мне... «пиздец»? — Мой азарт сносит нетерпение и смущение.

— Еще какой.

Приподнявшись на локтях, закусываю нижнюю губу и наблюдаю, как он снимает брюки и отшвыривает их в сторону

вместе с трусами.

Взгляд застывает на идеальном, с точки зрения золотого сечения, члене. Он гармоничен по длине и толщине. С эстетически красивой розовой головкой, которую сжимает широкая мужская ладонь.

Костя умело раскатывает презерватив, ставит одно колено на кровать и, склонившись надо мной, снова терзает губами грудь.

— Можно? — спрашивает, ухватив пальцами трусы на бедрах.

Я многократно киваю и приподнимаюсь, чтобы ему помочь, а потом прикрываю глаза, потому что Громов бесстыдно меня разглядывает в том месте, которое я полностью доверяю только специалисту по лазерной депиляции, своему гинекологу и... когда-то доверяла мужу.

Опустив ладонь на влажные складки, Костя терзает их легкими, поглаживающими прикосновениями.

— Готова? — спрашивает, заменяя пальцы твердой головкой.

Мучительно долго ласкает ею клитор.

— Да... — Опустив голову набок, рассматриваю его сосредоточенное лицо и напряженное тело.

Чувствую, как он проталкивается сквозь мои тугие мышцы. Сантиметр за сантиметром наполняет меня собой, а затем удобно устраивается сверху.

— Привет, — шепчут его губы и целуют мое острое плечо.

— Привет... — отвечаю сдавленно.

Весь день проносится в голове. Вручение дипломов, цветы в его руках, потом прогулка по набережным.

Костя Громов. В моей постели. Без одежды. И на мне...

— Ты как, Сонь?

— Я... Боже, я не знаю...

— Мне остановиться?

Вес сильного тела неожиданно пугает. Жар, исходящий от него, вызывает панику. Я чувствую себя слишком маленькой для этого всего. Для этого мужчины, который явно настроился на хороший секс. Чувствую себя крайне неопытной для секса без обязательств и чувств.

Что я делаю? Я с ума сошла?

Жалобно пискнув, инстинктивно сжимаю широкие плечи, но уже через секунду чувствую, как внизу живота становится теплее. Костя вдабливает мои бедра в матрас резким ударом своих бедер. Контролирует себя, но не полностью. Животный мужской инстинкт оказывается сильнее.

— Сонь...

— Со мной все хорошо, — шепчу, лаская выпуклые мышцы на спине и обхватывая его ногами. — Продолжай, пожалуйста...

Я доверчиво вкладываю свои пальцы в его ладони и разрешаю зафиксировать их над головой. Чтобы не отвлекаться от накатывающей волны сладкого удовольствия, прикрываю глаза и уношусь куда-то в пространство. Функции органов

чувств обостряются. Я отчетливо ощущаю запах Кости, свой запах и то, как они смешиваются. Слышу тяжелое дыхание и приятные слова, которыми он меня подбадривает.

Моя кожа спаивается с его кожей.

А когда я открываю глаза, то будто бы вижу еще ярче.

Краски обретают глубину.

Вонзив ногти в спину Громова, я трепещу от резких толчков, каждый из которых все больше приближает меня к заветному оргазму. Поначалу я чувствовала его и в браке. Потом секс превратился в рутину. В одолжение. В поощрение за трезвость. И в мое наказание...

Мне хотелось поскорее от него отвязаться.

Натан достигал пика, на своем удовольствии я не настаивала.

Но сейчас мне хочется его взять. Присвоить оргазм себе. Сейчас.

— Погладь себя, Соня... — хрипло приказывает Костя.

— Давай...

— Я... я так не могу.

— Давай же...

Я мотаю головой и кусаю губы.

Хорошая девочка во мне сопротивляется плохой.

Упершись одной рукой, Костя проталкивает наши ладони между разгоряченных влажных животов и кладет их на уже пульсирующую точку. Туда, где наши тела сливаются воедино.

— Чувствуешь? — его член скользит внутри.

— Да.

Не сбавляя темпа, Костя водит моими пальцами по кли-
тору. Сначала хаотично, потом последовательно и умело на-
давливая. Снова и снова. Круг за кругом меня дразнит и тра-
хает при этом.

Я с ума схожу от всего.

Клянусь.

От этой откровенности, от ощущений, от пьянящего по-
рочного воздуха, который вдыхаю с его губ.

— Кос-стя. — Выгибаюсь дугой от мощной огненной вол-
ны. В ушах неистово звенит. — Костя...

— Теперь сама...

Он оставляет мою руку, упирается ладонями по обе сторо-
ны от меня и увеличивает амплитуду движений. Его член те-
перь ощущается сильнее. Я... продолжаю себя ласкать, боль-
ше не желая отдавать ни секунды удовольствия из-за ка-
ких-то навязанных обществом комплексов.

Да, мы не очень знакомы.

И между нами нет любви.

И вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся.

Но мне так хорошо, что пошло все к черту. Я хочу быть
распущенной и развязной. Сейчас и с ним.

— Вот так, док! — Костя падает на меня и совершает по-
следний толчок.

Пик его удовольствия нравится мне не меньше, чем мой.

Громов открыт и в чем-то беззащитен. Я поглаживаю его волосы на затылке и тянусь к сжатым губам.

После секса мне хочется нежности.

Надеюсь, он ее даст.

Хотя бы чуть-чуть.

Мы лениво целуемся, все еще оставаясь одним целым. Тепло горит, мышцы внутри сжимают член, а постель под нами почти мокрая.

Откинувшись на спину, Громов вытягивает ноги и прикрывает глаза рукой. Старается отдышаться.

Я сворачиваюсь калачиком рядом и украдкой на него смотрю.

— Все хорошо? — спрашивает он в десятый раз, поворачивая ко мне лицо.

Внимательно изучает.

— Да. Было... немного необычно.

— Говори как есть, — усмехается он, а его правая рука ложится на мои бедра и по-хозяйски их сжимает.

— Было... непривычно. То, что ты делал с нашими руками... — Надеюсь, что не краснею.

— Но... ты кончила? — Его темные брови скользят вверх.

— Да...

— Просто я привык получать результат, используя все возможности.

— Это очень разумно... — замечаю я чуть тише.

Мы еще какое-то время лежим, не разговаривая и не ана-

лизируя того, что случилось. А потом я в который раз осматриваю рельефное тело, избегая взглядов в сторону паха, и это наводит на мысль.

— Может, ты хочешь поучаствовать в моем исследовании? — спрашиваю ровным голосом.

Громов смотрит на меня скептически.

— Если честно, не очень этого хочу...

Хотя бы ради приличия обманул.

Я понимающе киваю, но тяну его за руку и глазами ищу свой домашний халатик.

— Вставай!

Костя поднимает с пола брюки и надевает их, игнорируя трусы.

— Если ты прячешь где-то здесь операцию и собралась резать меня скальпелем, как ту лягушку... — он ворчливо припоминает историю нашего знакомства.

— Господи, какой скальпель? — закатываю глаза и затягиваю поясok потуже. — Легкое кардиопульмональное тестирование... Не больше...

— Знал, что ты та еще извращенка, док...

Глава 7. Софья

Я веду Костю в гостиную и усаживаю в мягкое кресло.

Пока он с молчаливым интересом осматривает мой велотренажер и стол, заваленный различными приборами, протираю спиртовой салфеткой дыхательную маску и рассказываю то, о чем могу говорить часами:

— Мы с Владимиром Рудольфовичем разработали новую программу реабилитации для больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, чтобы восстановление проходило в два раза быстрее и без риска ухудшения состояния. Но прежде чем приступить к работе с реальными больными, нам нужно испробовать метод на здоровых пациентах. Посмотреть, как упражнения влияют на частоту дыхания, газообмен, давление и пульс...

— Владимир Рудольфович — это тот, кто тебе сегодня звонил?

— Да. Отец Натана...

— Ясно. — Скулы Громова заостряются.

— Подними, пожалуйста, лицо на меня, — прошу, подойдя к нему. — Это быстро и безболезненно... Не переживай...

— Я не переживаю, — отвечает он, глядя в глаза и обнимая мои ноги.

Теплые ладони проникают под халат и, пока я надеваю

маску на хмурое лицо, лениво глядят внутреннюю сторону бедер и ягодицы.

— Подожди, — вырываюсь. — Еще нужно прикрепить нагрудный пульсометр и электроды ЭКГ. Сейчас. — Снова беру спиртовые салфетки. — У тебя ведь не было проблем с сердцем? — Оборачиваюсь и... улыбаюсь одному его виду в маске.

— Неразделенная любовь считается?

— Это можно не учитывать, — я усмехаюсь. — Я имею в виду инфаркты, пороки сердца, сердечную недостаточность...

— Такого не было.

— Будет... — Отпускаю смешок.

— Эй, док. Так разве шутят с пациентами? — Костя обнимает меня со спины и прижимает к себе.

— Прости. Это врачебный юмор. Я чувствую, что ты напряжен, поэтому хочу тебя немного расслабить...

— Тогда давай разберемся со всем этим... И ты меня расслабишь. — Утыкается маской мне в шею.

Заканчиваю протирать электроды и поворачиваюсь, чтобы прицепить их к мускулистой груди, а пока Костя идет к тренажеру, как девчонка краснею.

На его спине алеют свежие царапины от моих ногтей.

Я подключаю провода к специальному переходнику, который, в свою очередь, передает показания на экран моего планшета.

— Я выгляжу как долбоеб, — ворчит Громов.

Подняв глаза, изучаю сильную шею, широкие плечи, рельефный пресс и брюки, низко сидящие на бедрах.

— Ты слишком самокритичен. Отлично выглядишь. Все эти приборы очень тебе идут... — улыбаюсь.

— Давай уже скорее, доктор...

— Смотри. У нас будет несколько этапов: претест — это две-три минуты покоя. Затем небольшая разминка, об окончании которой сообщит пульсометр на груди. Это будет означать, что твои показатели достигли нужных для максимального эффекта. Тогда я попрошу тебя сделать ряд упражнений. Это займет не более восьми минут. Закончим небольшим расслаблением...

— Этим и живу...

— Посерьезнее, Костя. Кто знает, быть может, ты сейчас помогаешь чему-то важному в медицине... Претест, — тихо сообщаю и, включив тренажер, выставляю минимальную скорость.

Постепенно увеличиваю нагрузку и жду, когда датчик начнет сигнализировать, что сердце Громова стало биться чаще и, соответственно, активнее снабжать клетки кислородом. Несколько раз смотрю на пульсометр.

Может, проблема в батарейках?

Человек не способен управлять своих сердечным ритмом настолько.

Добавляю еще пару делений в разделе «Скорость».

— Сейчас. Только не останавливайся.

Костя ровно дышит и продолжает крутить педали. Смотрит прямо перед собой. Плечи ровные, осанка — идеальная, ладони уверенно обхватывают руль. Подойдя, проверяю счетчик на тренажере. Данные на планшет передаются актуальные, это удивительно.

Просто удивительно.

Громов — терминатор, а не человек.

Самая настоящая машина.

Летчик-истребитель, блин.

— Не понимаю, — расстроено говорю и еще раз увеличиваю нагрузку.

До предельного значения.

Дальше — тренажер задымится.

— Может, хватит? — Костя резко останавливается, упирает ноги в пол и стягивает маску с лица. — Пошутили и хватит.

— Да... — говорю расстроено. — Что-то сегодня не задалось. Не понимаю почему...

Я выключаю планшет и отсоединяю провода.

Подойдя к Громову, задумчиво снимаю электроды и вскрикиваю, когда он привлекает меня к себе, ухватив за талию.

— Кос-тя, — шепчу.

Все, что было у меня в руках, с грохотом рассыпается по полу, а я обвиваю мужскую шею и отдаюсь бесконечному по-

целую. В голове снова становится абсолютно пусто и легко. Только настойчивые губы, скользящие от моего рта к шее и вырезу. Раскрыв полы халата, Громов прижимается к ложбинке между грудей, а затем подхватывает меня на руки и несет в спальню.

Аккуратно положив на кровать, подтягивает к себе за ноги и расстегивает ширинку. Тяжелый эрегированный член снова привлекает внимание своей эстетичностью.

— Ложись на живот, Сонь, — просит Костя, с явным удовольствием осматривая мое обнаженное тело, и берет из пачки еще один презерватив.

Я переворачиваюсь с горящими от стыда щеками.

Вскрикиваю, чувствуя, как нетерпеливо он в меня толкается, затем выходит почти на всю длину и проделывает это снова. Талию фиксируют сильные руки. Движения бедер становятся все более резкими.

Я шумно дышу в согнутый локоть и... неожиданно улыбаюсь от писка нагрудного пульсометра.

Все-таки есть в мире вещи, от которых сердце Константина Громова бьется чаще.

Это... секс со мной.

Ночью мы просыпались несколько раз...

Вернее, первым это делал Костя. Он крепко-крепко обнимал меня во сне или подминал под себя. Снова жадно брал. Раз за разом.

Это было горячо и очень откровенно.

Это была пошлость на грани безумия...

По крайней мере, так все выглядит утром...

Мой телефон разрывается от звонка где-то в прихожей. Я подскакиваю с кровати, полностью обнаженная, несусь туда. По пути подбираю халат, сброшенный вчера в коридоре, и натягиваю его на плечи.

— Да, — отвечаю, увидев на экране имя бывшего мужа.

— Ты дома?

— Да... Нет... — пугаюсь, заметив мужские туфли у порога. — Что тебе надо? — спрашиваю недобро.

— Через час буду. Есть серьезный разговор.

— Натан... — громко, со злостью произношу, но в ответ слышу короткие гудки. — Какой еще час? Натан! Черт! — прикрываю глаза и растираю пульсирующий висок.

С опаской посматриваю на дверь, ведущую в спальню.

Да, я не чувствую себя виноватой перед Ластером. Я его не предавала. Он мне уже никто. Просто все это... грязно, что ли. Не для меня.

Сегодня утром я впервые поняла, что от сильного возбуждения бывает самое настоящее похмелье. Как после алкоголя. Симптомы те же: голова раскалывается, во рту сохнет и... стыдно. Очень стыдно.

Ощущая неприятное жжение в мышцах, тихо захожу, поднимаю с пола разбросанные подушки и напарываюсь на острый как бритва взгляд...

Облизываю пересохшие губы и приглаживаю волосы.

— Доброе утро, Сонь...

— Привет... — Я опускаю глаза и чувствую, как уровень стыда внутри становится нестерпимым. Зашкаливает. Это все слишком для меня. Слишком видеть в своей постели другого мужчину, а под ней — использованные за ночь презервативы. — Через час здесь будет Натан... Пожалуйста... Ты не мог бы сейчас уехать?

Глава 8. Софья

Спустя два месяца

Картинки за окном становятся все более знакомыми.

— Прибываем! — в купе заглядывает строгая проводница.

— Уже? Спасибо. — Я вскакиваю, закрываю дверь и смотрю в зеркало.

Больше суток в пути дались непросто: кожа просит о пощаде в виде увлажняющей маски, а тело — хотя бы легкой физической нагрузки и теплую, расслабляющую ванну.

Но есть и плюс: за это время я успела привыкнуть к новым жизненным реалиям.

Дело в том, что моя ординатура будет проходить, как и планировалось, в клинике Ластера. Только вот так получилось, что филиал пришлось выпросить у Владимира Рудольфовича подальше.

Выбирая между Хабаровском и родным городом, я решила не изобретать велосипед. В конце концов, будет очень мило вернуться на два года после шести лет отсутствия.

Конечно, дольше я задерживаться не планирую.

К тому времени, надеюсь, все уже как-то разрешится.

Поверх футболки и легинсов набрасываю плащ песочного цвета и, сунув ноги в белые кроссовки, достаю свои чемода-

ны.

— Вам помочь, девушка? — При выходе на перрон меня замечает парень в спортивном костюме и бросается на амбразуру.

Даже ответить не успеваю, сразу слышу знакомый бас:

— Себе помоги! Привет, сестренка...

Я широко улыбаюсь, оглядываю высокую фигуру в деловом черном костюме, светлые волосы, уложенные набок, и серьезное, я бы даже сказала задолбавшееся, выражение лица.

— Привет, Вань. Давай я один чемодан сама возьму, неудобно тебе будет с тремя...

— Неудобно в трусы шубу запихивать. Иди сюда, Пилюлькина...

— Началось, — закатываю глаза.

Целую его в небритую щеку и позволяю хорошенько помять свои ребра. Брат у меня старший. В общем-то, как и сестра Маша, которая давно живет со своей семьей в Москве.

— Ты че такая худая? Каши мало ешь? — спрашивает Ваня с заботой в голосе, но я по привычке огрызаюсь. Годы, проведенные не в самом дружном коллективе, сделали свое дело.

— А ты чего такой обросший? Исторически борода нужна была мужчинам, чтобы придавать более агрессивный вид в бою. Ты вроде не на войне?

— Не на войне, зато в бизнесе... — Ваня легко складывает спинкой два чемодана, чтобы удобно катить их по асфальту, а третий подхватывает другой рукой. — Ты НДС новый видела? Мы скоро с Грозовым почки продавать начнем... Если они кому подойдут.

— Дураки! — Я смеюсь и осматриваю новое здание железнодорожного вокзала изнутри. — И как вас только жены терпят?

— Они нас не терпят. Они нас любят.

— Это точно... Как здесь красиво, Вань... Этот мрамор, потолки высокие и люстры, как в театре... Мама довольна?

— Мама-то довольна. Она как мэр сделала все, чтобы выполнить работы по реконструкции в срок. А вот общественность опять письма в прокуратуру пишет мелким почерком. Нецелевое расходование средств...

— Господи, ну сколько можно? Она опять переживала?

— Конечно. Но они там с отцом вместе с этим разбирались... Я не лезу... Потому что могу и в бубен дать.

— Знаю...

— Кстати, по поводу жен... А как тебя муж-то на два года отпустил? — спрашивает, обгоняя меня и останавливаясь возле новенького внедорожника.

— Обычно отпустил. — Глупо улыбаюсь и рассматриваю черный глянцевый цвет. — Это так живут люди, которые почки продают?

— Так живут люди, для которых понты дороже денег,

сестренка! — ржет Ваня и, бросив пиджак на заднее сиденье, грузит мои чемоданы в багажник.

Я забираюсь в автомобиль, ставлю свою сумку для путешествий на коврик и вдыхаю приятный аромат нового кожаного салона.

Не верится, что я дома...

— Я так и не понял. Ты мне зубы заговариваешь, Соня? — Брат открывает дверь и смотрит на меня внимательно. Будто МРТ головного мозга делает.

— Ты о чем, Вань?

Я спокойно ему улыбаюсь, хоть это и сложно дается: всегда держать марку.

— Что с мужем у тебя? Вы поругались?

— Нет, конечно, — округляю глаза от ужаса. — У нас все хорошо. Просто мы решили развиваться. Мне место нашлось здесь, а Натану — в Москве. Я буду периодически к нему летать, и он... обещал... сюда...

Я чувствую, что начинаю мямлить и вспоминаю: лучшая защита — нападение. Чего это я?

— А ты что-то против Натана имеешь? — спрашиваю у брата строго.

Он меняется в лице и тут же отвлекается на дорогу.

— Ничего я против не имею. Имя у него больно красивое... Я все время его забываю: шайтан, метан, бутан, матан. Я, кстати, матан в универе терпеть не мог...

— Господи, какой ты...

— Незабываемый? — весело переспрашивает.

— Точно. Слово никак не могла подходящее подобрать.

— Обращайся, — посматривает с улыбкой. — А вообще, я рад, что ты приехала. Скучал по тебе, Софиечек. И мама скучала...

К горлу поднимается ком, который я усилием воли сглатываю.

— Я тоже по вам скучала.

— Не передумала? Жить будешь у Шацких?

— Конечно. Я обещала бабушке, что остановлюсь у нее. Да и надо заняться ее здоровьем. Не нравится мне, как она разговаривает по телефону. Все время с какой-то одышкой. До начала работы в клинике больше недели. Надеюсь, мы успеем обойти всех врачей.

— Ладно... Дело твое, Соф. Я тебя сейчас тогда к отцу в офис завезу, а сам дальше по делам погоню.

— К отцу?

— Ну да... Мы договорились с ним, что я тебя ему сгружу.

— Не надо меня никому сгружать, я бы и сама со всем справилась... — ворчу, расправляя полы плаща. — Мне еще в клинику надо заехать...

Брат усмехается и посматривает на меня с обидой:

— Что ты за человек такой, Пилулькина? Отец же соскучился. А ты все: клиника да клиника...

— Боже... Прости. — Я виновато улыбаюсь и касаюсь широкого плеча. — Это все долгая дорога... Я устала очень.

Хотела поскорее добраться до ванной. Конечно, я тоже соскучилась и по папе, и по маме... Очень хочу их увидеть.

— Ну, маму пока застать проблематично. Они к первому сентября новую школу сдают. С отделкой классов не успевают, а губернатор на подходе, чтобы ленточку перерезать.

— Почему я не удивлена? Как обычно! — посмеиваюсь.

Когда машина останавливается на парковке возле большого бизнес-центра, тянусь к ручке на двери. В воздухе приятно пахнет летом, но уже таким, что вот-вот грозит смениться осенью.

Подхватив сумку, с опаской смотрю на соседнее здание из стекла и бетона, которое полностью принадлежит строительному холдингу «Вавилон».

Сколько в нем этажей? Семь, кажется?

Сколько же людей в нем трудится?

И Громов управляет всеми?

От воспоминаний о той ночи до сих пор внутренности сводит. Это было какое-то временное помешательство. Расстались мы, мягко говоря, на ножах. В целом так даже легче и понятнее теперь...

— Я тогда тебя здесь оставлю. — Ваня открывает окно и закуривает. — А вечером к нам подтягивайся.

— Зачем? — спрашиваю на автомате.

Получается грубовато. Это все Костя виноват...

— Нет, ну если племянницу увидеть не хочешь...

— Да, блин. Хватит. Конечно, я приеду. Хочу увидеть сво-

его Лисенка. — Нетерпеливо потираю руки.

Брат удовлетворенно хмыкает и курит.

— Я имела в виду, есть какой-то повод? И кто планирует быть? — осторожно интересуюсь.

— Просто вечер пятницы. Будут все. Приезжай...

Глава 9. Софья

Договорившись с братом, что мои чемоданы он доставит в дом Шацких, я захожу в офисное здание и, поздоровавшись сначала с администратором за стойкой, а затем с личным секретарем, заглядываю в кабинет.

Улавливаю знакомый аромат кофе с горьким привкусом табака. Мама усиленно борется с тем, что отец курит. Он много раз делал вид, будто бросил, и сейчас, наверное, делает, но в своем кабинете на работе — улавливает мое обоняние — все-таки покуривает.

Как врач резко негативно к этому отношусь, поэтому хмурюсь и привлекаю к себе внимание вопросом:

— Можно к тебе?

Папа поднимает взгляд от кипы документов и тепло улыбается. Меня здесь ждали. Сердце выдает воздушный кульбит. Родители, бабушка, брат с семьей, школьные подруги — надо будет обязательно встретиться со всеми.

— Дочь! Как добралась? — Отец встает и направляется ко мне.

— Привет. Я только с поезда... — Бросаюсь к нему и привычным жестом опускаю голову на плечо. — Соскучилась по тебе.

Он прижимает меня к груди и гладит по голове так, что я чувствую себя его маленькой девочкой. Это очень полезное

и правильное чувство, если принимать его в нужной консистенции. Жалость, как любое лекарство при неправильном выборе дозировки, может стать ядом. Поэтому не злоупотребляю. Ни по отношению к себе, ни к другим.

— А мы-то как соскучились! — Он целует меня в макушку. — У вас все хорошо, Сонь? — пристально разглядывает мое лицо.

— А как же! — отвечаю излишне весело и целую отца в гладковыбритую щеку.

Мы с интересом рассматриваем друг друга и... оба улыбаемся.

С папой у меня особая связь.

Когда росли Маша с Ваней, он много работал, развивал небольшую сеть автозаправок, которая в итоге разрослась до крупной федеральной и, как сам часто говорит, не успел отследить все этапы взросления старших детей. Со мной все было по-другому. Правда, потом я поступила в университет, стала приезжать домой все реже, и мы, как это часто бывает, отдалились.

— Обедать пойдем? — спрашивает папа, подхватывая свой пиджак.

— Я мечтаю о стейке из рыбы! — Затягиваюсь воздухом и морщусь. — Ты что, здесь куришь?

— Я? — Широкие брови взмывают ввысь, а на мужественном лице появляется ухмылка. — Уже три года ни одной сигареты!

— Ну-ну. — Отворачиваюсь и скупающе осматриваю стеллажи, заставленные папками и бизнес-сувенирами. — Придешь ко мне на спирометрию, — предупреждаю строго.

— Боюсь-боюсь, Соня! — Он обезоруживающе смеется.

На улице я подхватываю отца под руку и вжимаю голову в плечи, пока мы, обсуждая мою поездку на поезде, прогулочным шагом проходим мимо «Вавилона», в котором опасно отражаются набежавшие на небо тучи.

— Ждали тебя, — говорит отец, рассматривая ресторанное меню. Нас посадили за единственный свободный стол, самый последний от входа. — Мама, правда, пока занята, но на завтра ничего не планируй. Она устроит что-то грандиозное в честь твоего приезда...

— О боже... Я так и думала... Что-то грандиозное. — С улыбкой потупив взгляд, разглаживаю белоснежную салфетку на коленях.

— Ты мне лучше скажи, как вы с мужем жить собираетесь? Все-таки два года врозь. Столичных медсестер не опасешься?

Шутит, но за тоном всегда уверенного голоса я слышу отцовское беспокойство, поэтому отвечаю честно. Ровно наполовину честно...

— Нет, не опасаясь. В Натане я уверена.

— Ну-ну. — Папа откладывает меню и смотрит на меня внимательно. — А в себе?

— Что ты имеешь в виду? — вдруг пугаюсь.

— Да я шучу, Сонь... Что ты такая напряженная?

— Это усталость...

— Надеюсь... С Владимиром вчера разговаривали по поводу нового реабилитационного центра, в который я недавно вложился, и попутно обсудили принятое вами решение. Твой свекр тоже не очень им доволен. Сказал, что в Москву с Натаном ты ехать отказалась по собственному желанию.

— Просто не хочу быть его дополнением... Так часто бывает с женами главных врачей. Коллеги не воспринимают всерьез, оглядываются на тебя, замолкают при встрече. Я хочу сама, с нуля.

— Ты ведь понимаешь, что в нашем филиале все в курсе твоего родства с Ластерами?

Вот откуда мой интерес к мужчинам вроде Громова — конкретным и разумным. Мой отец такой же. Всегда следует логике.

— Понимаю. Здесь хотя бы сильный медсостав, у них есть чему поучиться... — словно оправдываюсь я.

— Хорошо. Не буду тебя уговаривать. В конце концов, мы рады, что ты будешь жить рядом с нами... — Папа кивает официанту, вновь открывая меню.

— Только не обижайтесь, что я решила поселиться у бабушки. Надо за ней приглядеть...

— А кто за тобой приглядит, Сонь?

— О чем это ты? — вектор разговора мне окончательно перестает нравиться. — Я уже взрослая, пап. За мной не надо

приглядывать.

— Каждый человек нуждается в заботе. Не только дети. Я просто хочу быть уверен, что тебе самой всего в этой жизни хватает.

— Пап... — мой голос хрипнет, а к глазам подступают нечаянные слезы.

— Вы готовы сделать заказ? — к счастью, нас перебивают. Дальнейшее общение складывается гораздо легче.

Как в старые добрые времена я рассказываю папе обо всем на свете.

Как мне удалось сдать госэкзамен на отлично и над чем мы сейчас работаем с Владимиром Рудольфовичем.

Что-то долго поясняю про сердце и его возможности, новые разработки медиков-ученых, а еще делюсь результатами разработанной программы реабилитации на базе клиники Ластеров.

Эти темы — моя отдушина.

Мой брак и Натан — то, о чем я бы не хотела разговаривать ни с кем.

Отец слушает меня с легкой, блуждающей улыбкой, переспрашивает и щедро хвалит.

Тоже улыбаюсь, захлебываюсь словами, при этом чувствую, как лицо начинает странно гореть. Несколько раз оглядываюсь по сторонам, но ни одного знакомого в ресторане не вижу.

В центре зала шумно общаются подруги.

В углу проходит бизнес-встреча. Мужчины в черных деловых костюмах что-то яростно доказывают мужчинам в серых костюмах. Все очень серьезно, но часть их стола я не вижу, мы находимся слишком далеко.

Может быть, показалось?

После обеда я прошу подкинуть меня до особняка Шацких. Раньше он был белоснежным и красивым, сейчас обветшал и будто потух. Да и смотрятся все эти колонны уже несовременно.

По словам Ады, помощницы по хозяйству, бабушка еще утром уехала к своей старшей дочери, поэтому я спокойно добираюсь до ванны и наскоро сушу волосы феном. Отыскав в чемодане мягкое черное платье с разрезами по бокам, подкрашиваю глаза и вызываю такси.

К дому брата подъезжаю, когда на улице начинает смеркаться.

— Привет, Сонь! — встречает меня Тая. Мы крепко обнимаемся. — Проходи, еще нет никого. Я пока душ приму, ничего не успела. Ваня с работы едет. Громы и Демидовы тоже где-то в пути. Подождешь?

— Конечно...

Делаю вид, будто не замечаю, что она подозрительно округлилась, а затем снимаю плащ и направляюсь в гостиную, в которую вихрем залетает Алиса.

— А-а-а... Соня, привет, — говорит она с отсутствующим выражением лица и уносится дальше.

Бегает за собакой, размахивая волшебной палочкой.

— Привет, Лисенок.

Я замечаю, как племянница повзрослела, улавливаю в ней черты Вани и даже свои. Конечно же, Таи тоже. Любуюсь мудростью природы. Создавая нас, дает возможность увидеть себя. Как в зеркале.

— Как у тебя дела? — спрашиваю осторожно, не сводя взгляда с детского личика.

— Нормально.

— Я по тебе скучала, — улыбаюсь.

— Ага... — Алиса хихикает и убегает на второй этаж.

Смотрю ей вслед и чувствую на языке горечь.

Меня весь день штормит. От полного непонимания, зачем я здесь, до четкого осознания, что так надо. И да...

Я немного отстала от этого семейного ритма, включая субботние совместные ужины и воскресные обеды.

Но... вот эта реакция шестилетней племянницы вдруг ошеломляет и пугает одновременно. Как быть с тем, что дочь любимого брата относится ко мне как к чужой? Я чувствую себя оторвавшейся от стаи птиц. Своих она потеряла, а к кому ни прибьется — все не то получается.

Вспоминаю, что в сумке лежит подарок. Еще в Питере я купила набор: ручку и милый пушистый блокнот с принтом из облачков на небе. Увидела случайно, сразу вспомнила Алису и ее любовь к голубому.

— У меня для тебя подарок, — заглядываю к детскую.

— Подарок? — Хитрые глаза загораются интересом.

— Да. Смотри.

— Ух ты... — Алиса ласково касается облачка. — Как красиво! Я хочу записать сюда имена всех своих кукол, — смотрит на забытые игрушками полки.

— А ты уже умеешь?

— Конечно.

— Если хочешь, я тебе помогу...

Она смотрит на меня будто бы оценивающе. Я вдруг смеюсь. Беззаботно и легко. Пожалуй, впервые за долгое время.

— Ты думаешь, можно ли мне доверять? — спрашиваю сквозь смех.

— Думаю, что можно, — отвечает Лисенок деловито и вручает мне блокнот. — Сначала я всех достану.

Инвентаризация проходит в режим аврала. После того как все куклы с полок переписаны, Алиса вспоминает, что есть еще коробка с игрушками.

Я поджимаю ноги под себя, откидываюсь на спинку дивана и периодически улыбаюсь — с такой важностью происходит это действие. Иногда в комнату заглядывает Тая, потом Ваня.

Когда все куклы и даже мягкие игрушки переписаны, а наше общение с Алисой становится чуть ли не дружеским, поправляю платье, подкрашиваю губы блеском и спускаюсь в шумную гостиную, которая с моим появлением затихает.

— Наигрались, девочки? — тепло интересуется Ваня с

«мужского» дивана.

— Да. — Я не знаю на кого смотреть. Слишком много людей и внимания.

— Соня, привет! — машет мне Мия и подвигается к Tae.
— Падай к нам.

— Привет всем! — говорю хрипло и приглаживаю волосы. — Спасибо...

— Что ты будешь пить из алкоголя, Сонь? — спрашивает брат, поднимаясь и направляясь к бару.

— Ничего... Я не пью алкоголь.

— Давно?

— С Нового года...

— Видимо, веселый был Новый год, — смеется Тая.

— Вы бы знали насколько...

Пересекаю комнату, ощущая, как мое лицо снова странно горит.

Этот жар распространяется и на тело: сначала скатывается по шее к груди, а затем поселяется в животе, где разрастается до объемов земного шара.

Настолько, что мне теперь не нужно видеть, кто именно сидит рядом с Мироном...

Я это чувствую.

Чувствую кожей...

Глава 10. Софья

Свет в гостиной приглушен.

Пока брат с друзьями что-то обсуждают, а девчонки делятся последними новостями, смысла которых я еще не понимаю, пью короткими глотками яблочный сок и украдкой разглядываю всех, кроме мужчины в центре дивана. Я так ни разу на него и не посмотрела.

Да...

Громов — моя осознанная слепая зона сегодня.

Во-первых, мне стыдно за свое поведение в ту ночь. За то, насколько открытой я была в желаниях и как отзывалось мое обнаженное тело в его сильных руках.

Каждой клеточкой отзывалось.

Это... стыдно — быть такой откровенной. А с незнакомым мужчиной — вообще невыносимо.

Во-вторых, мы ведь совершили обмен любезностями, перед тем как расстаться.

Буду честной, я всего лишь хотела поблагодарить Костю за то, что он поддержал меня в такой важный день. Вернее, попрощаться с ним по-человечески... в общем, не знаю... чего я хотела на самом деле.

Просто поставить жирную точку в сумасшествии, которое мы устроили в моей постели.

После просьбы покинуть квартиру, Громов собрал с пола

свои трусы, брюки, ремень и рубашку и закрылся ненадолго в ванной комнате. А потом, уже застегнутый на все пуговицы, сразу отправился на выход.

— Спасибо, — сказала я, глядя, как он надевает туфли. Сложила руки на груди и жутко нервничала. Щеки горели от колючей мужской щетины, а губы болели от поцелуев. — У меня вот так было впервые... Я... очень надеюсь на конфиденциальность.

Красивые черты лица в тот момент стали будто бы грубее.

— Разве я похож на того, кто будет распространяться? — спросил Костя.

— Не знаю... я же сказала, у меня такое впервые.

— Намекаешь, что для меня это в порядке вещей?

— Боже. Да ни на что я не намекаю. Я просто пытаюсь объяснить: то, что между нами произошло ночью, могло случиться с любым...

Черт...

Я несла какой-то бред, но остановиться была не в силах. Из гордости мне хотелось как-то донести, что я не испытываю к Косте никаких чувств.

Он мне приятен внешне, и рядом с ним я чувствую себя в безопасности — не более того. Учитывая анамнез — это дорогого стоит. Вот только Громов про все это не знал, поэтому разозлился.

— С любым? — Его глаза сердито сверкнули.

— Я не то хотела сказать... Пусть наша встреча и получи-

лась случайной...

— Кто сказал, что она случайна, Соня? — Он резко повернулся ко мне, схватил за локоть и притянул к себе.

Опустив взгляд в ложбинку между грудей, сжал челюсти до хруста.

— В смысле?

— Ты когда-то сказала, если я хочу потрахаться, мне надо прийти к тебе на выпускной. В день, когда ты уже станешь врачом. Я пришел...

— Пошел вон! — Я вырвалась и сердито указала на дверь. И Костя ушел. Не прощаясь.

Мы и так слишком много друг другу сказали.

— Сонь, — зовет Ваня, вытягивая меня из воспоминаний.

— Мм?

— Как там бабушка?

— Я ее пока не видела, — отвечаю хрипло.

— А с отцом-то встретилась?

— Да. Мы даже пообедали...

— В «Марио»?

— Да.

— Кос, у тебя ведь там сегодня встреча с москвичами была?

— Так точно...

— И как вы там разминувшись?

— Без понятия, — отвечает Громов сухо, а я оставляю вопрос без ответа и чувствую, что щеки покрываются легким

румянцем.

— А что там с отпуском? — интересуется Мия.

По сути, ничего страшного не случилось.

Я когда-то в приступе юношеского максимализма пообещала Косте потрахаться, как окончу университет. Он пришел и без лишних сантиментов взял свое. Есть, конечно, вопросы, зачем я на это согласилась, но оставляю их психотерапевту, работу с которой я решила возобновить с сентября.

Я натягиваю на лицо легкую улыбку и вновь разглядываю присутствующих.

Пожалуй, ближе всего по духу мне здесь Мия. Мы с ней похожи в желании казаться лучше, чем есть. Обе гордые, со здоровым эгоизмом. Я давно считала эту идентичность. Их семья с Мироном вообще мне симпатична. Он лучший друг моего брата. Веселый, не замороченный на негативе или чем-то таком. Серьезный, но в меру.

Этим самым, на мой взгляд, заморочки жены отлично компенсирует.

Тая мне как сестра, но мы при этом абсолютно разные. Супруга Вани, несмотря на модельную внешность и внутреннюю силу, благодаря своему детству, не вполне в себе уверена и порой слишком мягка к людям, которые этого не заслуживают.

Их путь был непростым и долгим.

Она, забеременев, сбежала в Москву. Самое стыдное — частично по моей вине, но мы давно оставили это позади.

Брат тяжело переживал разрыв, совершил много ошибок, но потом их исправил. Эта ситуация сильно ударила по политической репутации мамы и многому меня научила.

Надо держать фасад, даже если перекрытия давно рухнули.

Во что бы то ни стало. Ценой собственного счастья...

— Я мечтаю поехать на Фуджейру...

— Ты хотела ремонт в нашей новой квартире, — с серьезной иронией отвечает Лев жене.

— Не мешай мне мечтать, Демидов. Намечтала на квартиру в Москве, теперь намечтаю и на Фуджейру.

— Я в тебя верю, Юлька, — смеется Мия.

— Слышишь, Ле-е-ева, — Мирон зовет своего главного антагониста и по совместительству зятя. — Хуйня собачья — че ты там зарабатывать в своей администрации пыжишься. Все благодаря Юльке у тебя есть...

— С этим даже не спорю...

Я смеюсь вместе со всеми, но замолкаю, когда мой взгляд останавливается на черной брючине.

Я здесь всех понимаю...

Но самое инопланетное существо для меня, если не считать Константина Громова, его двоюродная сестра — та самая Юлька. Легкая, манкая, живая, она привлекает внимание всех сидящих в гостиной.

Я бы мечтала быть такой же.

Что-то ляпнуть невпопад и не задумываться о том, как вы-

глядишь.

Развестись, свыкнуться с мыслью, что просто ошиблась в человеке, и продолжить ошибаться дальше. Забить на то, что отец вложился в клиники Ластеров, а Владимир Рудольфович рассчитывает на меня в исследовательской деятельности...

Не думать о репутации мамы, которую она зарабатывала годами.

Юлька над чем-то заливисто смеется. Любуюсь.

Я обожаю людей, у которых все легко, но сама такой никогда не буду.

Держать фасад... Всегда...

Держать...

— Слышали новости? — спрашивает Мия. — Рэпер Вован с женой разводится.

— Ой, я слышала, — подхватывает Тая. — Кто-то уже назвал это разводом года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.